

Последняя встреча

Автор: Гайдамак А.А.

Я прошу прощения у читателей, за давностью лет я не смогла вспомнить имена и фамилии всех участников событий. Моя детская память сохранила некоторые моменты из рассказа отца, но не сохранила фамилий и имён тех, кто был рядом с ним в те военные годы.

Отец умер, когда мне было 15 лет. Фронтовик, инвалид, он никогда не рассказывал о войне, лишь один раз, в 1970 году, когда отца приехал навестить его друг, я услышала его неторопливый рассказ, запавший в мою память на всю оставшуюся жизнь....

Дядя Захар, так звали нашего гостя, бывал нечасто в нашем доме, но зато как радовались мои родители его очередному появлению. К вечеру со всей деревни сходились бывшие фронтовики в наш дом, - кто на костылях, кто без руки, кто с изуродованным шрамами лицом, а мой отец был без ног. Прошедшие все ужасы войны, ни единожды смотревшие смерти в глаза, они по-детски радовались встрече, видимо понимали, что до следующей кто-то может не дожить. Они не хвастались наградами, они радовались рождению детей, внуков, называя порой новорожденных именами своих погибших друзей. Разговоры были самые разные, но только не о войне. И мне, как и моему старшему брату было не понятно, - почему они не рассказывают, как били фрицев, гнали врагов до самого Берлина... В школе мы узнали о героических подвигах А.Матросова, героях-молодогвардейцах, пионерах-героях... Я тогда не понимала, насколько было больно им вспоминать пережитое, когда ещё болели раны, и душевные, может быть сильнее, чем физические.

В день очередного приезда дяди Захара дома был мой старший брат Александр, он -то и уговорил отца и нашего гостя рассказать хоть что-нибудь о войне.

-Отец,- начал брат,- мы наизусть знаем всех пионеров и комсомольцев - героев войны, но разве только они приблизили победу своим героическим подвигом? Вы ,наверное, тоже не были в стороне, если только в нашу деревню вернулись лишь несколько человек из 200-х сот с лишним...И все, то инвалиды, то с осколками в груди. Расскажи, хоть что-нибудь, чтобы мы могли потом рассказать своим детям.

Я видела, как напряглось лицо отца, как прежде, чем начать разговор, он залпом выпил один за другим два стакана самогона, и, погрузившись в воспоминания, тяжело вздыхая, начал свой рассказ, а дядя Захар, наклонив голову, тихо заплакал. Мама тоже утирала слёзы...

...В то утро, 22 июля 1941 года, отец собирался перевозить пчёл на полевою пасеку,- он был потомственным пчеловодом. Вдруг в дом влетела телеграфистка и трясущимися губами то и дело произносила:

-Александр Тимофеевич! Война! Война!

В тот же день в центре деревни у школы состоялся митинг и на следующий день отец ушёл на фронт добровольцем, хотя в ту пору ему было 38 лет.

Ушёл... и пропал без вести. Только в конце лета 1944 года он вернулся домой...без ног.

...Вечером на станции, нас погрузили в эшелон и спешно отправили. Мы не знали места своего назначения, но судя по тому, как мчался поезд, как быстро меняли на станциях паровозы, а мы едва успевали получить горячее питание, было ясно, что мчимся прямо на передовую, по слухам, в Белоруссию. На четвёртые сутки поезд попал под бомбёжку. Мы выпрыгивали из вагонов и бежали кто – куда. За спиной горели вагоны, из них выпрыгивали, как горящие факелы, люди и тут же падали на землю с криками, воплями, земля содрогалась от взрывов бомб, казалось, что мы доживали последние минуты, падали раненые и убитые. Когда улетели бомбардировщики, картина предстала страшная... Капитан (?...) скомандовал собраться всем, кто уцелел. Нас набралось около 40 человек. Мы выдвинулись... Раненые, кто мог идти, - шли с помощью кого-то из нас. А возле железнодорожной насыпи остались десятки убитых и тяжелораненых. Мы не знали, где мы находимся, знали одно – фашисты уже идут по нашей земле, сея смерть и гибель.

Несколько дней наш отряд продвигался просёлочными дорогами по направлению к линии фронта, не зная, что немцы уже прорвали оборону, а сотни наших бойцов попали в окружение. Над нами то и дело летели немецкие бомбардировщики, неся смерть на наши города и населённые пункты.

В один из дней на дороге появились первые беженцы и те, кто сумел вырваться из окружения. Они шли навстречу нам, голодные, измотанные, с потухшими глазами и каким-то страхом во взгляде. Помню одного парнишку лет 10, с повязкой на голове, босой, он держал за ручонку маленькую девочку. Лицо её было испуганным, а на щеках следы недавних слёз. Увидев нашего командира, он закричал:

-Дяденька командир! Не ходите туда, там немцы!...

В это время рядом, в толпе беженцев раздался громкий хохот, все расступились, а хохочущий, стоя на коленях, сквозь смех кричал:

-Мы уже все покойники! По-кой-ники!

Люди молча обходили его, а он, упав на дорогу, плакал. Откуда ни возьмись, над головами появились немецкие истребители. Все бросились врассыпную. Скинув бомбы и расстреляв все обоймы, немцы улетели, оставив десятки убитых, изуродованных тел. Казалось, что всё смешалось в одном пространстве: пыль, кровь, крики и стоны раненых. Ужас охватил всех. Мы понимали, что скорая встреча с немцами неизбежна и, может быть это станет нашим первым и последним боем. Командир приказал свернуть в лес и идти дальше, но идти пришлось недолго,- навстречу нам по дороге двигалась небольшая автоколонна немцев с мотоциклистами впереди, потом показалась ещё одна,- с танками, бронетранспортёрами. Нам было приказано отступить в глубь леса. Шли долго, наконец командир приказал сделать небольшой привал и снова идти.

На следующий день решено было провести разведку. Разведгруппу повёл я. Нас было трое, со мной пошли мои земляки - сибиряки Василий Лукьянов, Иван Шестаков. (Не знаю, почему я запомнила эти фамилии. Люди с такими именами и фамилиями не однажды встречались мне в жизни, и всякий раз я невольно вспоминала тех, кто был тогда с отцом в далёком 41-ом).

...Вышли немедленно и уже вскоре оказались у небольшого хутора, осторожно постучали в ближний дом, на стук вышел старик, выяснилось, что немцев здесь нет. Оставив Ивана на улице, мы вошли в дом. Увидев свежее испеченный хлеб, мы едва сдержали приступ голода. Хозяйка, видя наши втянутые животы и осунувшиеся лица, без лишних слов усадила за стол. Но не прошло и десяти минут, как вбежал Иван:

-Немцы!

Мы кинулись в дверь, но мотоциклисты уже разворачивались во дворе .

Старик указал на лестницу, ведущую на чердак, и мы в одно мгновение оказались под крышей дома.

Вслед за мотоциклом к дому подъехал грузовик, из его кузова повалили немцы, громко разговаривая и смеясь. У соседнего дома наблюдалась такая же картина. Мы слышали , как в дом вошёл немецкий офицер в сопровождении солдат, а во дворе всю хозяйничали фашисты,- из сарая тащили поросят, кур и прочую живность.

Офицер что-то скомандовал, и солдаты тот час вывели во двор хозяев дома, на ломаном русском языке, ударяя старика перчатками по лицу, немец кричал:

-Где есть партизан?! Где партизан?!

Два здоровенных немца волоком подтащили хозяйку дома к грузовику и бросили её под колёса, машина переехала женщину...В это время в доме послышался душераздирающий крик, и мы увидели картину ещё страшнее: немец за косу вытащил во двор девочку – подростка. Немцы встали в круг, и толкая её друг к другу, срывали одежду...

Мы открыли огонь, немцы окружили дом и завязался неравный бой. Нам было ясно, что патронов наших хватит на несколько минут.

Немецкий офицер кричал:

-Сдавайся, партизан...

В это время меня ранило в руку, а Василия в ногу...

-Уходите, -сказал он, я вас прикрою...Уходите! Живым я им не сдамся!

Мы с Иваном бросились в лес , немцы преследовали нас. Идти было трудно, мы выбивались из сил и решили отдохнуть, спрятавшись под развесистую ель. Немцы оказались в нескольких шагах от нас. Не сговариваясь, мы стали читать молитвы, вдруг, я увидел, как невесть откуда взявшаяся женщина, встала перед деревом, закрыв нас голубой накидкой. Немцы прошли мимо, не заметив нас. Кто эта женщина? Мы не смели и подумать...Но, видимо, сама Богородица спасла нас. Только к ночи, измученные, уставшие, нашли своих. За это время к нашему, так называемому отряду прибились ещё несколько бойцов.

Разведка показала лишь одно,- немцы повсюду...

Ни наш командир, ни мы не знали, куда идти...

Отец долго молчал, курил одну за другой самокрутку, а у меня перед глазами возникали картины одна страшнее другой от услышанного. Я тогда не понимала, почему отец прервал свой рассказ, и что за женщина, спасшая их, мне хотелось услышать, что же было дальше, и я тихонько спросила:

-Пап, а вы дошли до своих?

-Дошли...

Двигались по ночам, обходя населенные пункты. С особой осторожностью переходили железнодорожные пути и шоссе. Фронт немцев все более уплотнялся, все труднее приходилось отрываться от противника.

После нескольких дней скитаний по лесу отряд попал к партизанам, тогда это был один из первых партизанских отрядов под командованием Ф.И.Павловского

Во время одной из партизанских операций отец был ранен в обе ноги, с поля боя его вынес тот самый дядя Захар, о котором я упомянула в начале рассказа.

В условиях партизанского госпиталя невозможно было спасти отцу ноги, - начиналась гангрена, и фельдшер ампутировал ноги с помощью пилы."...Дали выпить спирту, стукнули чем-то по голове, очнулся без ног... Долго не заживали..." Потом отец был переправлен самолётом в тыловой госпиталь, перенёс ещё несколько операций и в 44 году вернулся домой. А ещё осенью 41-го мама получила извещение, что Измайлов Александр Тимофеевич, мой отец, пропал без вести.

В марте 1971 года отец умер. Врезался в память момент, как через всю деревню несли гроб отца, и его боевые друзья, как могли подставляли свои плечи под горестную ношу.

Это была последняя встреча - прощание фронтовых друзей в нашем доме.